

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета Стровского Дмитрия Леонидовича, профессора, доктора политических наук, научного сотрудника Ариэльского университета (г. Ариэль, Израиль), на диссертацию Лай Линчжи «СМИ Китая как инструмент "мягкой силы" во внешнеполитической деятельности страны», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 10.01.10. – Журналистика.

В диссертационной работе Лай Линчжи рассматривается стратегически важный вопрос современной политической практики: использование «мягкой силы» в качестве инструмента формирования доверия к стране со стороны иностранных партнеров. За основу исследования взят опыт Китая, где «мягкая сила» — понятие, введенное американском политологом Дж. Наем — получила развитие как в теоретическом отношении, так и в практическом, в условиях проведения внешней политики этого государства.

Китай сегодня активно востребует «мягкую силу». Об этом можно судить по большому числу научных работ, созданных за последние годы на данную тему китайскими исследователями (на них активно ссылается автор диссертационного исследования). Это же подтверждается усилиями Китая в политической, культурной и иных сферах, созданием научных центров по изучению «мягкой силы» (о чем также упоминает автор работы). Для современного Китая важным становится достижение не только высоких экономических и финансовых показателей своей жизнедеятельности, но и формирование в сознании зарубежной аудитории доверия к себе как к супердержаве, обладающей гуманистическим началом и заботящейся о своем реноме. Тому, что именно предпринимает Китай в этом отношении, как он добивается поставленных целей, в каких направлениях строится предлагаемая стратегия, посвящена данная работа.

Обобщая сказанное в более чем объемном для современных кандидатских диссертаций труде (составляющим в общей сложности 218 страниц), нельзя не признать его познавательную ценность. Систематизировано большое число фактов, которые прежде если и были представлены в российской научной

литературе, то весьма разрозненно и хаотично. Ценным представляется научный анализ теоретических источников, написанных не только англоязычными авторами, но и китайскими исследователями. Привлекательной является и попытка диссертанта оценить конкретные шаги в реализации «мягкой силы», на примере усиления связей Китая со своими зарубежными партнерами, его общекультурной деятельности, развития международных проектов, инициированных в последние годы этой страной, — таких, как «Годы обмена российских и китайских СМИ» или «Один пояс – один путь». Лай Линчжи стремится исследовать и возможности освещения приоритетов «мягкой силы» в средствах массовой информации (СМИ). С этой целью автор использует две газеты «Женьминь жибао» и «China Daily», играющих ключевую роль для понимания современной китайской политики.

Предложенная структура работы выглядит оправданной. В первой главе Лай Линчжи исследует методологические подходы к определению «мягкой силы», во второй анализирует ее возможности применительно к внешней политике Китая. Третья глава посвящена изложению медийного потенциала этой страны, с рассмотрением особенностей медиасистемы, существующей в настоящее время. Наконец в завершающей, четвертой, главе речь идет о восприятии «мягкой силы» самими китайскими СМИ, и прежде всего упомянутыми выше «Женьминь жибао» и «China Daily». Такая логика работы выглядит не слишком оригинальной, но позволяющей всесторонне проанализировать заявленную тему и сделать выводы, понятные даже тому, кто не искущён в отмеченной проблематике.

Вместе с тем вынесенная на обсуждение авторская концепция рождает ряд вопросов, и некоторые из них носят принципиальный характер.

Если попытаться свести воедино выводы, сделанные автором, то они сводятся, по существу, к двум ключевым моментам:

1) использование «мягкой силы» во внешней политике Китая определяет не только современное «лицо» этой страны, но и перспективу ее будущего национального развития;

2) нынешняя политика китайского руководства обеспечивает эффективное использование «мягкой силы», благодаря чему Китай завоевывает все большее признание на международной арене.

Разумеется, каждый автор может настаивать на избранной им концепции и определять систему доказательств. Представляется вместе с тем, что влияние «мягкой силы» в китайских условиях выглядит все же более сложным и противоречивым явлением, чем представлено в работе. И определяется это современным политическим развитием этой страны.

Несмотря на то, что Дж. Най охарактеризовал специфику понятия «мягкая сила» лишь в общих чертах (в этом отношении мы можем согласиться с автором диссертации), очевидно, что он имел в виду все-таки общество «полной демократии», в котором реализуется деятельность самых различных политических и гражданских институтов. Дж. Най полагал, что только в условиях многообразия воззрений по основным вопросам дня возможно формирование национальной репутации, способной вызвать доверие со стороны других стран. Что предпринял современный Китай? Его институты, взяв за основу концепцию Дж. Най и других западных разработчиков теории «мягкой силы», попытались подчинить ее существующей политической системе. Но возможно ли это, с учетом того, что гражданские свободы, уровень демократии и многие другие составляющие современного политического и духовного прогресса в Поднебесной воспринимаются совершенно иначе, чем в странах западного мира?

Если мы признаем (а диссертант занимает именно эту позицию), что западная калька «мягкой силы» не очень эффективна в китайских условиях, с учетом их специфики, то необходимо внести ясность о том, какой должна быть здешняя модель «мягкой силы». Что именно требует уточнения в китайской «теории предмета» на фоне уже существующих теоретических воззрений Дж. Най и других западных экспертов? Данного аспекта в диссертационном исследовании Лай Линчжи недостает.

Правда, отдельные подходы к этому автором намечены. На с. 150-173 Лай Линчжи рассуждает о внимании КНР к таким формам международной кооперации, как проведение саммитов, выставок, создание на местах подразделений Института Конфуция, развитие гуманитарной помощи и спортивной дипломатии. Однако при этом остается непонятным: действительно ли эти формы воздействия создают Китаю «запас прочности», позволяющий говорить о возрастающем доверии к его политике? Думается, кое-что мог бы прояснить опрос общественного мнения, проведенный, к примеру, на территории России и Китая. Обратная связь помогла бы в какой-то мере выявить соотнесенность «теории предмета» с повседневной практикой. В работе, на наш взгляд, не хватило опоры на реальное мнение аудитории по поводу доверия к современному Китаю. Это не позволяет в полной мере понять эффективность использования им «мягкой силы».

Есть и другая проблема. Рассуждая о возможностях реализации «мягкой силы» в современных китайских условиях, автор постоянно апеллирует к действиям Коммунистической партии Китая (КПК) и высказываниям ее лидера Си Цзиньпина. Ссылки на его суждения и решения партийных форумов КПК звучат в тексте постоянно (на с. 49, 77, 95 и т.д.). Действительно, развитие «мягкой силы» в Китае неотрывно от политики КПК, которая в сегодняшних

условиях развития страны способна обеспечить ее целенаправленное развитие. Лай Линчжи пишет, в частности (на с. 44), что «КПК поддерживает идеологическую линию, раскрепощающую сознание народа» (что значит «раскрепостить сознание народа», не очень ясно). Далее автор утверждает (на с. 103), что Китай в настоящее время «переходит к открытому гражданскому обществу с демократическим политическим строем и с рыночной экономикой» и что это «усиливает влияние внешнего мира на общественно-политическую, социально-экономическую жизнь страны». Столь оптимистичных авторских высказываний по ходу работы довольно много. Оставляя в стороне научную корректность этих формулировок, нельзя не задать вопрос: в какой мере «мягкая сила», определяемая моноидеологией, может стать по-настоящему эффективной и тем более примером для всех остальных стран?

Китай отважился на проведение экономических реформ, но политические реформы, без которых развитие «мягкой силы» затруднено, пока идут плохо. Китай медлит с решением этого вопроса, опасаясь непредсказуемости социальных последствий. Автор диссертации, однако, не сомневается в эффективности настоящего и будущего воздействия китайской «мягкой силы». Но возможно ли это в полной мере?

Нельзя сказать, что Лай Линчжи совсем игнорирует проблемы, возникающие по мере реализации «мягкой силы». Например, на с. 45 справедливо утверждается (применительно, правда, к мнению других исследователей), что статус страны «не соответствует ее способности формирования международных механизмов и режимов». Чуть ниже отмечается, что реализации полноценной «мягкой силы» мешает существование в Китае пока не совершенной «политической системы с социалистической демократией и правовой системой». Кроме того, «по-прежнему недостает политической и культурной традиции демократии, обеспечения верховенства закона и развитой системой правосудия, соблюдения прав человека» и т.д. Таким образом, повседневная реальность относительно формирования в китайском обществе гражданских приоритетов развития не безоблачна. Возникают резонные вопросы: в какой мере они мешают упрочению «мягкой силы»? что именно следует делать Китаю в этих условиях? Диссертант, однако, ограничивается лишь констатацией проблем, но не склонна обсуждать конкретные выходы из них.

Аналогичную ситуацию мы имеем и применительно к другим разделам работы. Так, на с. 91 говорится о том, что «на нынешнем этапе государственный имидж и представление о Китае в основном формируются посредством СМИ других стран, а не средствами массовой информации Китая». Кроме того, «пространство дискурса китайских СМИ является относительно узким». Вновь уместно спросить автора: как именно действовать в сложившихся условиях

самим китайским СМИ? И какая система мер должна быть разработана (и должна ли быть?) со стороны ЦК КПК, ответственного за проведение китайской медиаполитики?

Мы отмечаем эти недосказанности в диссертации не для того, чтобы приуменьшить значимость выполненного Лай Линчжи труда. Еще раз подчеркнем: представлен законченный с точки зрения формальной логики текст. Внимание к отмеченным выше моментам продиктовано скорее недостаточной разработанностью теории «мягкой силы» и сложностью положения, в котором оказывается сегодня сам Китай. С одной стороны, это динамично развивающаяся страна, демонстрирующая мощнейший технологический прогресс, а с другой, — подтверждающая «ножницы» между состоянием и самосознанием общества с одной стороны и возможностями формирования доверия к нему с другой.

К автору диссертации возникают и более «частные» вопросы, требующие прояснения.

1. Размытость параметров, как известно, не может привести к оптимальной оценке того или иного явления или сферы деятельности. Существуют ли все-таки конкретные критерии «мягкой силы», позволяющие утверждать, насколько продвинулась в этом отношении та или иная страна по этому пути или нет?

2. На с. 44 автор утверждает, что Китаю надо построить полноценную систему с социалистической демократией и правовой системой. Что такое «социалистическая демократия» и чем она отличается от демократии вообще? Возможно ли эффективное функционирование правовой системы при подавляющем воздействии исключительно одной политической силы в лице КПК?

3. Диссертант по ходу работы использует термин «публичная дипломатия», но не уточняет его суть. Чем характерна публичная дипломатия именно КНР на фоне других стран современного мира?

4. Автор отмечает на с. 94: «Средства массовой информации стали настолько влиятельными и значимыми, что общественное мнение формируется, прежде всего, под влиянием СМИ. Что понимается в данном случае под общественным мнением? На чем базируется суждение о том, что именно СМИ оказывают на его формирование максимальное влияние?»

5. Говоря о путях интеграции китайского информационного пространства в пространство мировое (на с. 107), диссертант пишет о необходимости изменения существующей концепции распространения массовой информации и усиления интерактивного начала в деятельности редакций. Насколько это действительно возможно в современных условиях, с учетом чрезвычайно устойчивых традиций китайской информационной культуры?

6. Есть ряд, по меньшей мере, спорных высказываний. На с. 96 Лай Линчжи пишет, что в Китае сегодня 8 млн. пользователей Интернета. На с 97, упоминая известную работу «Четыре теории прессы» и перечисляя эти теории. Автор упоминает почему-то только три из них, называя к тому же либертарианскую теорию «либертаристской».

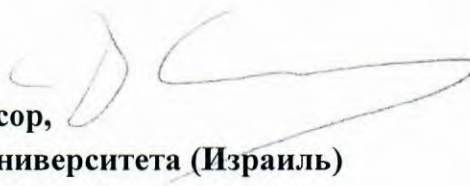
Высказанные замечания не умаляют достоинств представленной работы, но призваны стимулировать научную дискуссию в ходе самой процедуры защиты. Следует признать, что они во многом вызваны актуальностью и содержательностью самой диссертации.

Таким образом, диссертация Лай Линчжи на тему: «СМИ Китая как инструмент "мягкой силы" во внешнеполитической деятельности страны» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а сама соискатель, Лай Линчжи, заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 10.01.10 – Журналистика. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

Д.Л. Стровский,

**доктор политических наук, профессор,
научный сотрудник Ариэльского университета (Израиль)**

Prof.-Dr. Dmitry Strovsky,

researcher at Ariel University (Israel)

e-mail: strovsky@mail.ru; dmitryst@ariel.ac.il

Phone: +7972-503800208

18.02.2019 г.